

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АЛЛАХАБАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Аллахабадский университет, основанный в 1887 г., традиционно является одним из важных центров высшего образования и научных изысканий в Индии. В числе проводимых им исследований все более видное место занимают археологические работы и изучение древней истории Индостана. Они приобрели значительный размах и целенаправленный характер после выделения в 1955 г. из департамента истории специального департамента древней истории, культуры и археологии, бесценно возглавляемого проф. Г. Р. Шармой. В результате его энергичной деятельности Аллахабад стал важным центром археологической науки Индии. В торжественном праздновании 25-летия этого департамента в ноябре 1980 г. приняли участие премьер-министр Индии Индира Ганди и другие государственные деятели. Археологические исследования аллахабадских ученых привели к ряду важных открытий, ими получен обширный археологический материал, являющийся надежной источниковедческой базой для воссоздания прошлого области по среднему течению долины Ганга, издревле бывшей важным центром Индии.

В 1968 г. здесь были начаты целенаправленные археологические изыскания палеолитической эпохи¹, в которых в последние годы принял также участие исследователь каменного века Д. Кларк (США). В результате этих работ получены обширные материалы. Трудности в стратиграфическом членении индостанского палеолита хорошо известны². Поэтому выделение в северных отрогах Виндхья, в долинах рек Сон и Белан четырех формаций от среднего плейстоцена до голоцена со специфическим в каждом случае набором фауны представляет исключительный интерес. Изучение древних террас и отложений гравия делает эту схему стратиграфически надежно обоснованной, и не исключено, что со временем для палеолита Индии она будет иметь столь же важное значение, как знаменитые комплексы Соана или материалы Нармады.

¹ *Sankalia Н. Д.* Prehistory and Protohistory of India and Pakistan. Poona, 1974, p. 40—41.

² *Борисковский П. И.* Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971.

Коллекции орудий, происходящих из этих отложений, пока опубликованы лишь в ограниченных масштабах³, но уже по этим публикациям ясно, что здесь представлены почти все подразделения палеолитической эпохи — от нижнего до верхнего палеолита. Общины охотников и собирателей широко освоили в древности горы Виндхья: сообщается, что в двух горных долинах отмечены 91 находка с орудиями нижнепалеолитического облика, 173 — поры среднего палеолита и около 200 — верхнего. В одном из верхнепалеолитических местонахождений отмечен даже культурный слой толщиной в 5—7 см, что указывает, скорее всего, на остатки временного стойбища. Детальное исследование и изучение этих материалов, несомненно, позволит по-новому осветить историю первобытного населения. Думается, что на первых порах исследователи не избежали и некоторых увлечений. Так, изделия из кости, трактуемые как палеолитические женские статуэтки, что было бы научной сенсацией для Передней и Южной Азии, вероятнее всего, обломки гарпунов⁴.

Исключительно обильны и богаты памятники мезолитической и неолитической эпох. Отметим здесь такие важные работы, как раскопки многослойного поселения Чопани-Мандо, мезолитического поселения и могильника Махадаха, неолитического поселения Махагара⁵. Стратиграфия Чопани-Мандо, где самым древним является слой I с орудиями верхнепалеолитического облика, показывает, что здесь сохраняется общая для Северного Индостана тенденция — отсутствие геометрических микролитов в раннемезолитических наложениях (слой PA) и их появление, включая трапеции и сегменты, в среднем или развитом мезолите⁶. Комплексы, определяемые как неолитические, развивают те же традиции в кремневой индустрии вплоть до широкого распространения геометрических микролитов. Новые элементы в них — это каменные кольца-утяжелители для палок-копалок (Чопани-Мандо III), каменные шлифованные тесла и керамика. На поселении Махагара найдена керамика, отличающаяся достаточно развитыми формами, среди которых имеются и сосуды со сливом. Богато орнаментированная керамика из верхних напластований Чопани-Мандо весьма совершенна и едва ли относится к начальным ступеням керамического производства. Возможно, в долине Ганга и в горах Виндхья имелись и какие-то локальные подразделения неолитических комплексов, своего рода культурные варианты, что нашло отражение и в разнообразии глиняной посуды.

В целом, с точки зрения культурной и хозяйственной эволюции, период IX—IV тыс. до н. э. был для этой области временем активного развития общин, добывающих продукты питания собирательством, рыболовством и охотой, на что указывают найденные кости дикого быка, оленя, бизона, гипопотамы, свиньи и мелких копытных. В пищу также шли черепахи, водяная птица и, конечно, рыба. Можно считать, что именно комплексное охотничье-рыболовецкое хозяйство обеспечило относительную оседлость поселений типа Махадаха и Чопани-Мандо, располагавшихся на берегу речек и небольших озер. Поселения состояли из овальных в плане хижин, отпечатки несущих пьестов которых встречаются во всех наложениях, начиная с поры раннего мезолита. Мезолитические могильники располагались в непосредственной близости от поселений; захоронения в них в основном одиночные, в простых ямах, в вытянутом положении. Наличие парных захоронений мужчины и женщины может указывать на то, что представление об устойчивых связях малой семьи распространялось и на установления погребального обряда. Инвентарь в могильнике Махадаха в основном отсутствует — лишь двое погребенных мужчин имеют ожерелья на шее и сделанные из

³ Sharma G. R. Stone Age in Vindhya and the Ganga Valley, Radiocarbon and Indian Archaeology. Bombay, 1973; *idem*. History to Prehistory. Archaeology of the Ganga Valley and the Vindhya. Allahabad, 1980, p. 88—97.

⁴ *Ibid.*, p. 96.

⁵ Sharma G. R., Misra V. D., Pal J. N. Excavation at Mahadaha 1977—1978 (A Mesolithic Settlement in the Ganga Valley).— AVGV, 4, 1980; Sharma G. R., Mishra B. B. Excavation at Chopani-Mando (Bellan Valley), 1977—1979. Epipaleolithic to protoneolithic.— AVGV, 5, 1980; Sharma G. R., Mandal D. Excavations at Mahagara 1977—1978 (A Neolithic Settlement in the Belan Valley).— AVGV, 6, 1980. В значительной мере эти материалы вошли в большую сводную книгу: Sharma G. R., Misra V. D., Mandal D., Mishra B. B., Pal J. N. Beginnings of Agriculture. Allahabad, 1980.

⁶ Об этой тенденции см. Щетинко А. Я. Хронология неолита Индостана.— КСИА, вып. 157, 1979, с. 95.

кости кольца в ушах. Потомки бродячих палеолитических охотников спустились с предгорий Виндхья и осели в долине Ганга. Судя по всему, численность населения здесь увеличилась. Так, площадь Чопани-Мандо достаточно велика — около 1,5 га, и всего в этом районе археологам известно около 200 памятников мезолитического периода. Возможно, в условиях столь высокой плотности населения уже начались поиски новых способов получения продуктов питания, хотя оседлое рыболовство, как правило, служило надежным источником поступления пищи и не стимулировало подобные начинания⁷. Г. Р. Шарма постоянно подчеркивает, что добывавшиеся мезолитическими общинами животные относились в значительной мере к видам «потенциальной доместикиции»⁸. Установлено, что в Чопани-Манда обрабатывали дикорастущий рис, а позднее как будто и возделывали. Исследователи Аллахабадского центра даже назвали один из своих сборников «Начала земледелия». Однако эта сложная проблема еще требует дальнейшего исследования и, главное, уточненных палеозоологических и палеоботанических определений. Сейчас открытие раннего земледельческого неолита VI тыс. до н. э. в Мергаре в Северном Белуджистане⁹ показывает, насколько сложна была реальная картина, в которой переднеазиатские хозяйственные и культурные влияния сочетались с местными формами хозяйствования. Но трудно сказать определенно, в какой мере сочетались эти элементы в раннее время по среднему течению Ганга. Отсутствие резких изменений в культурном облике местных мезолитических и неолитических памятников позволяет предполагать, что, несмотря на наличие элементов производящей экономики, она выступала лишь как уклад в господствующем охотничье-рыболовецком хозяйстве. Судить об этом тем более трудно, что характер культур этого района в III—II тыс. до н. э., в период, когда должны были сказаться решающие перемены в области экономики, еще не вполне ясен. Г. Р. Шарма сообщает о «халколитических памятниках» второй половины II тыс. до н. э. с сырцовой архитектурой, расписной керамикой, медными изделиями и микролитическим кремневым инвентарем¹⁰. Существовала в этом же районе так называемая культура медных кладов, причем один из таких кладов был обнаружен и аллахабадскими археологами¹¹. Открытие в соседнем районе высокоразвитой оседлой культуры с превосходной керамикой и сырцовой архитектурой еще более усложняет эту картину¹². Сейчас в целом ясно, что в долине Ганга, как и в Декане, хотя и не повсеместно, во II тыс. до н. э. активно распространялась культура оседлых земледельцев с развитыми промыслами, перерастающими в общинные ремесла. Однако предстоит еще уточнить, в рамках каких именно археологических комплексов и культур происходил этот, возможно, неодновременный для всех племенных групп процесс.

Этот пробел затрудняет решение вопроса о времени формирования оседлоземледельческого поселения на территории Коушамби, крупного города древней Индии, раскопки которого являются важным достижением Аллахабадского археологического центра¹³. Как известно, этот вопрос вызвал остротенную дискуссию у индийских археологов, в ходе которой высказывались сомнения относительно наличия в Коушамби слоев более ранних, чем 600 г. до н. э.¹⁴ Г. Р. Шарма не согласился с этими замечаниями и в последней публикации даже сопоставляет древнейшую керамику городища с комплексом Бхагванпур 1А позднехарашпского времени¹⁵. Следует отметить, что наличие на Коушамби серой расписной керамики — типичного комплекса первой половины I тыс. до н. э. — совершенно очевидно. Правда, керамика этого типа существ-

⁷ *Masson B. M.* Поселение Джейтун. Л., 1971, с. 125—132. }

⁸ *Sharma.* History to Prehistory..., p. 112.

⁹ *Jarrige J. F., Leshevallier M.* Excavations at Mergarh.— South Asian Archaeology, 1977, v. I. Naples, 1979.

¹⁰ *Sharma.* History to Prehistory..., p. 78—82.

¹¹ *Ibid.*, p. 82.

¹² *Gaur R. G.* Lal Qila Excavations and the OCP Problem, Radiocarbon and Indian Archaeology. Bombay, 1973; *Щетинко А. Я.* Первобытный Индостан. Л., 1979, с. 168—170.

¹³ *Sharma G. R.* The Excavation at Kausambi, 1957—1959. Allahabad, 1960, *idem.* Excavations at Kausambi.— Memoires of the Archaeological Survey of India, № 74. Delhi, 1969.

¹⁴ *Sinha K. K.* Stratigraphy and Chronology of Early Kausambi — a Reappraisal, Radiocarbon and the Indian Archaeology. Bombay, 1973.

¹⁵ *Sharma.* History to Prehistory..., p. 69—70.

вовала, как показывают новые материалы, достаточно долго¹⁶. Вопрос о более ранних находках нуждается в дальнейшем изучении. Однако принципиальный вывод о том, что крупный городской центр древней Индии, подобно основным городам Шумера, сформировался на основе оседлоземледельческого поселения, может быть сделан уже сейчас. Установление путей и времени последующей эволюции и особенно структурных изменений, преобразовавших общинный поселок, пусть даже крупный по размерам, в организм городского типа, — это важная задача последующего изучения памятника.

Широкие раскопки Коушамби в целом осветили ряд сторон функционирования этого крупного городского центра древней Индии. Раскопки здесь производились в трех основных пунктах — в жилом квартале в центре города, в цитадели (именуемой исследователями «каменной крепостью») и на крупном монастырском комплексе. Вскрытый участок в центре города отмечен регулярной застройкой из домов правильной планировки, которые располагались вдоль прямых уличных магистралей. Примечательно обнаружение здесь колонны с текстом эдикта Ашоки, что указывает, вероятно, на особое назначение этой части города, быть может, как официального места собрания полноправных горожан. Этот район был обжит с середины IV в. до н. э. по IV в. н. э. Отмечена развитая система дренажа — один из признаков городского центра, традиции которого в Индостане восходят еще к харашпской эпохе. Многочисленные различные находки, сделанные в процессе раскопок, — группы терракотовых статуэток, одну из которых исследователи именуют «сако-парфянской», многочисленные печати и монеты, в том числе четыре клада.

Цитадель Коушамби представляет собой обособленное фортификационное сооружение с каменными стенами, усиленными овальными в плане башнями. Она расположена в одном из углов города, на берегу реки Ямуны и занимает площадь в виде неправильного прямоугольника размером 320×150 м. В ее южной части располагается дворцовый комплекс, неоднократно перестраивавшийся и ремонтировавшийся. Его расцвет исследователи относят к кушанскому периоду (I—II вв. н. э.) и отмечают в архитектуре некоторые параллели с памятниками Средней Азии.

Большой материал дали раскопки монастыря Гхошитарамы, сложного комплекса монументальной архитектуры, пережившего длительную историю, часто упоминаемого в буддийской литературе. Его основателем считается купец Гошита, бывший казначеем царя Удайны и рано признавший Будду и его учение. Согласно традиции, Будда посещал этот монастырь, где сохранились отпечатки его ног, о чем повествует и одна из надписей, найденная в ходе раскопок. Обнаружена при раскопках и печать, в которой упоминается название монастыря, что не оставляет сомнений в правильности отождествления его руин. В центре монастырского комплекса находилась большая ступа на платформе, неоднократно надстраивавшаяся и перестраивавшаяся. На платформе располагалась и главная чайтья. Представляет интерес и святилище Харити, где открыты превосходные скульптуры, в том числе терракотовое изображение Гадлакшми. Именно на территории монастырского комплекса найдено немало ценных произведений искусства — каменных статуй и рельефов, разнообразных терракот. Среди различных сюжетов отметим довольно многочисленные фигуры крылатых львов, нередко антропоморфизированного облика. Наряду с воздействиями художественных школ Гандхары и Матхуры налицо и местные черты. Г. Р. Шарма даже считает возможным ставить вопрос о существовании с III по VI в. н. э. особой местной «школы Коушамби»¹⁷.

В значительных масштабах город, видимо, формируется в V—IV вв. до н. э., в пору существования так называемой северной чернолощеной керамики, когда уже были крепостные стены, была освоена площадь в центре городища, основывался монастырский комплекс; имеются культурные слои и на территории цитадели. Значительного подъема город достигает в период Маурьев, когда, видимо, возводится дворцовое здание в цитадели, а в центре города появляется колонна с эдиктом Ашоки. Г. Р. Шарма полагает, что во II в. до н. э. город переживает некоторый упадок, связанный с военными действиями греко-индийского правителя Менаандра, имя которого он склонен видеть в тексте, обнаруженном на шиваистской линге в 100 км к западу от

¹⁶ Lal B. B. Did the Painted Grey Pottery Continue upto Maurian Times? — *Puratattva*, № 9, 1977—1978. Правда, сам Б. Б. Лал отмечает, что едва ли в Коушамби серая расписная керамика продолжала существовать после VI в. до н. э. (с. 79).

¹⁷ Sharma. *History to Prehistory...*, p. 35.

Коушамби¹⁸. Г. Р. Шарма увлеченно суммирует всевозможные материалы по вопросу о греческих воздействиях в материальной культуре Коушамби и предлагает поэтапную реконструкцию грандиозных завоеваний Менаандра в Северном Индостане, построенную в духе увлекательных гипотез В. В. Тарна. Разумеется, имеющийся фактический материал по этому вопросу не столь велик, и, например, нет уверенности именно в греческом происхождении наконечников стрел, типологически разнообразных, найденных при раскопках Коушамби. Известен, правда, клад монет греко-индийских и греко-бактрийских правителей (где 40 монет Менаандра), обнаруженный на берегу Ямуны в 116 км к западу от Коушамби, но о находках каких-либо греко-индийских монет на территории самого городища ничего не сообщается. Следует также иметь в виду, что даже у Аполлодора Артемитского, цитируемого Страбоном, о завоевании Менаандра говорится в осторожной форме: «...если правда, что он перешел Гипанис на востоке и прошел вплоть до Имая» (Strabo, XI, 11,1). Как бы то ни было, наибольший расцвет Коушамби, видимо, переживает в первые века н. э. и, как многие другие города, постепенно хиреет в период Гупта, хотя какое-то время его религиозный центр — монастырь Гхошитарамы — еще сохраняет свое значение.

Раскопки Коушамби ярко раскрывают роль города не только как идеологического, политического центра, но также и как города-крепости. В меньшей мере в исследованиях и в опубликованных материалах получили отражение торговая и ремесленная функции этого древнеиндийского города. При продолжении работ на городище надо обратить особое внимание на типологию жилой застройки, на выявление сословно-престижного членения городской территории, что позволит подойти к изучению социальной стратификации городского населения. В целом же и раскопки Коушамби, и изучение первобытных памятников, проводимые Аллахабадским археологическим центром, показывают, насколько плодотворными и результативными являются систематические и целенаправленные полевые археологические изыскания. Они уже составили богатейший материал для изучения древней истории Индостана, начиная с самых ранних периодов, который был введен в оборот благодаря серии научных публикаций в 1980 г. Опубликованные данные зачастую по-новому характеризуют целые периоды древней истории страны, позволяют переходить от общих схем и заключений к конкретно-историческому анализу с учетом многообразия исторического процесса. В этом видится основная заслуга коллектива аллахабадских археологов и видного индийского ученого Г. Р. Шармы.

В. М. Массон

¹⁸ Sharma G. R. The Inscription of Menander and the Indo-Graec Invasion of the Ganga Valley. Allahabad, 1980.